

МАРИ АБЕР

18+

ВО ВЛАСТИ РАВНОВЕСИЯ

КНИГА II

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Цена равновесия

Мари Авер

Во власти равновесия

«Автор»

2026

Авер М.

Во власти равновесия / М. Авер — «Автор», 2026 — (Цена равновесия)

Она исчезла в Мёртвых землях, и никто не знает, вернётся ли она оттуда и останется ли прежней. Пока Ариадна пытается выжить там, где ломают не тело, а сознание, Кай остаётся один с последствиями своего выбора, пытаясь удержать новый порядок в разрушенном мире и понимая, что некоторые решения нельзя исправить. А Рейнар идёт на шаг, который может спасти её — или уничтожить их обоих. Но настоящая угроза скрыта за стенами Цитадели. Там, где правит Этран, людей превращают в ресурс. Там, где ради спасения мира готовы уничтожить саму человеческую сущность. Чтобы выжить, им придётся сделать выбор: сломать систему — или стать её частью. И не все из них останутся прежними. Вторая часть дилогии.

Содержание

Глава 1. Ариадна	5
Глава 2. Ариадна	10
Глава 3. Ариадна	17
Глава 4. Кай	29
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мари Авер

Во власти равновесия

Глава 1. Ариадна

Я попыталась вдохнуть — и не смогла. Во рту было сухо, будто мне в глотку насыпали песка и забыли сказать, как его выплюнуть. Я попробовала сглотнуть, но ничего не получилось. Больно.

Голова гудела, и мысли текли вязко, не давая мне никаких подсказок где я и что происходит. Я хотела пошевелиться, но тело не слушалось. Где-то рядом что-то скребло, и я не сразу поняла, что звук настоящий, а не внутри головы. Неровный, рваный, будто кто-то медленно проводил ногтями по камню.

Я лежала, не открывая глаз, и пыталась собрать себя по кускам. Внутри меня было слишком тихо, но этот громкий звук снаружи не давал покоя.

«*Дыши, Ари*» — мысленно приказала я себе.

Я резко втянула воздух, но он прошёл глубоко, обжигая горло, и я закашлялась. Пришлось с силой зажмурить глаза, чтобы отогнать поступающую к горлу тошноту.

Чёрт, как же паршиво.

Последний раз я себя так чувствовала, когда очнулась в Хольме после...

Я резко распахнула глаза. В голове рваными обрывками всплывали воспоминания.

Хольм.

Взрывы.

Кай.

Предательство.

Мёртвые земли.

Меня затрясло, и к глазам подступили слёзы от бессилия.

— Тихе... — прошептала я еле слышно. — Тихо, Ари... спокойно...

Голос получился каким-то чужим и слабым. Сердце колотилось где-то в горле, грозясь вырваться наружу. Я попыталась взять себя в руки, сделала ещё пару рваных вдохов и стала осматривать пространство.

Первое, что я заметила — это темнота. Густая и плотная, будто из мира исчез весь свет. Перед глазами всё расплывалось, но я старалась зацепиться взглядом хоть за что-то.

Не получалось.

Я поморгала несколько раз и постепенно из мрака стали проступать детали.

Камень.

Пол.

Моя рука.

И кружка.

Она стояла совсем рядом, чуть дальше расстояния вытянутой руки. Вода внутри дрогнула, когда я повернула голову. И только тогда я поняла насколько сильно хочу пить.

Я уставилась на неё слишком жадно. Сухие, потрескавшиеся губы сами приоткрылись, и я даже не сразу поняла, что уже тянусь к ней.

Остановись.

Мысль вспыхнула резко, и я замерла, медленно переводя взгляд дальше. И увидела его.

Он сидел в паре шагов от меня. На его шее блеснул металл ошейника и я проследила взглядом уходящую в стену цепь, сразу возвращая взгляд обратно. Его голова дёргалась рывками, будто его кто-то тянул изнутри.

Безумный.

В его мутных, белёсых глазах не было ничего и одновременно слишком много всего. Я не сразу поняла, куда он смотрит. Попыталась проследить за его взглядом и тут до меня дошло.

Он смотрел на меня.

Я судорожно выдохнула и снова опустила взгляд на кружку. Она стояла между нами и я пыталась прикинуть расстояние. Секунда. Две.

Если потянуться — я успею?

Не успев до конца обдумать эту мысль, я уже тянулась в сторону кружки. Движение было медленным, еле заметным, но безумный дёрнулся так резко, что цепь натянулась со звоном и его грязные пальцы прошли в считанных сантиметрах от моей руки.

Я вздрогнула и замерла. Сердце ударило так сильно, что потемнело в глазах.

— Не двигайся, — прошептала я себе. — Не двигайся, не двигайся...

Где-то слева зазвенело и кто-то захихикал сухо, хрипло. Я повернула голову и увидела ещё одного, потом ещё. По кругу были цепи, тела и движения, которые не складывались в нормальные. Они были слишком близко. Все.

Я медленно выдохнула и сразу пожалела об этом. Горло сжалось, а жажда накрыла сильнее, чем до этого. Я снова бросила взгляд на кружку.

Я могу.

Я же смогу, да?

Рука чуть дрогнула, и тот, что напротив, резко поддался вперёд. Цепь снова громко ударила о камень, я отдёрнула руку слишком резко, и тошнота накрыла новой волной.

— Чёрт... — выдохнула я, согнувшись, и почти уткнулась лбом в пол.

Меня вырубил. Снова. Воспоминание пришло медленно, но чётко. Сначала там, у границы. Потом... ещё раз. Я попыталась вспомнить больше, но воспоминания ускользали как песок сквозь пальцы. В голове мелькали куски, обрывки.

Голос.

Яркие зелёные глаза.

Правила.

Холод в шее.

Я сглотнула, но в горле было настолько сухо, что это движение причиняло боль.

— Думай, — прошептала я. — Думай, твою мать...

Нельзя паниковать. Не сейчас. Нужно считать, смотреть. Я подняла голову, медленно, и снова посмотрела по кругу.

Восемь. Их было восемь. И все на цепях в шаге от меня. Я резко зажмурилась и снова открыла глаза, оценивая расстояние между ними. Слишком тесно, не пройти.

Я перевела взгляд дальше и отметила, где стены и есть ли вообще проход. Я пыталась найти выход, пока не поняла, что его нет. Или я его просто не вижу.

— Я выберусь, — выдохнула я, сжимая пальцы в кулак. — Я выберусь отсюда...

Слева кто-то резко рванулся, цепь зазвенела и я снова замерла. Сердце грохотало в ушах. Я медленно выдохнула и больше не двигалась ни на миллиметр, потому что уже понимала — здесь есть правило. И если я его нарушу, то меня разорвут раньше, чем я успею сделать глоток.

Я поняла это не здесь, а ещё тогда, когда он впервые привёл меня в зал. Тогда я думала, что смогу выбраться. Что это просто вопрос времени.

Наивная идиотка.

Как же я ошибалась.

Тогда, когда мужчина с зелёными глазами ушёл, я осталась в клетке одна.

Я опустилась на холодный камень, прижалась голой спиной к стене и обхватила колени руками. Тишина здесь была странной, звенящей. Слышно было только моё дыхание. Я не понимала, где я и что это за место. Не знала, сколько времени прошло. Может быть минуты. Может часы. Здесь это не чувствовалось. Я просто сидела, смотрела на одну трещину в камне и пыталась не впадать в панику.

А потом я услышала шаги. Несколько. Я резко вскочила и сердце снова забилося в бешеном ритме.

Дверь открылась и я дёрнулась, инстинктивно отодвигаясь назад. Но толку не было. проёме появились двое. Я не сразу разглядела их лица — только крупные силуэты и плечи, которые перекрывали свет.

— Подошла, — коротко сказал один.

Я не пошевелилась.

Секунда.

Две.

Я понимала, что сейчас будет, но всё равно сжала зубы и осталась на месте.

Он сделал быстрый шаг вперёд и схватил меня жёстко. Пальцы впились в плечо так, что я зашипела.

— Отпустите, — выдохнула я, дёрнувшись. — Отпустите меня суки...

Меня взяли с двух сторон и потащили. Просто потащили, как вещь. Я ударила ногой, попытавшись вывернуться, но хватка только усилилась. Бесполезно.

— Пошёл ты, — выдохнула я, уже почти задыхаясь. — Я сама пойду...

Они не ответили. Вообще. Только развернули и потащили к выходу.

Пол под ногами скользил. Я цеплялась, пыталась тормозить, но меня просто тянули дальше. Меня вывели в коридор. Здесь было темно и сыро, как в старом склепе. Запах висел гнилой, тяжёлый, будто кто-то сдох. Я зажмурилась на секунду, но тут же открыла глаза.

«Нельзя, Ари», — мысленно одёрнула себя. — «Смотри. Запоминай. Считай шаги».

Один поворот. Ещё. Ступени вверх. Сколько? Три... четыре... я сбилась.

Чёрт.

Меня снова дёрнули вперёд.

— Куда вы меня тащите? — выдохнула я. — Ты слышишь меня? Эй!

Мне никто не ответил. Только эхо шагов отскакивало от стен и где-то далеко слышался странный скрежет.

Сердце колотилось так, что в ушах звенело. Я уже догадывалась куда они меня ведут. К нему. Эта мысль пришла ко мне резко и чётко, без сомнений. Я сильно сжала зубы и дёрнулась ещё раз. Тщетно.

Ладно, посмотрим. Я всё равно найду выход. Он должен быть. Всегда есть.

Коридор резко закончился и перед нами открылась тяжёлая, металлическая дверь. Они толкнули её вперёд и затащили меня внутрь.

Я не сразу поняла, что вижу. Рваный, неровный свет ударил в глаза и я зажмурилась на секунду, отводя взгляд в сторону. Чуть проморгавшись, я осмотрелась вокруг. Меня привели в зал. Он был круглый, огромный и слишком пустой в центре, но слишком живой по краям. По периметру всего помещения были цепи и на них тела. Десятки тел, дёргающихся в ломаных движениях. Я шумно сглотнула, пытаясь подавить тошноту от увиденного.

Кто-то из них просто сидел на полу, медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Кто-то приплюснулся и не сводил с меня взгляд своих белёсых глаз. Кто-то хихикал, пытаясь ползти вперёд. Цепь натягивалась с такой силой, что мне чудился звук лопающейся кожи на их шеях.

Меня резко толкнули вперёд и я упала на колени, больно врезаясь в холодный пол. Я зашипела, дёрнулась, пытаясь вырваться из жёсткой хватки, но толку было ноль. Только больнее стало.

Я сжала зубы и подняла голову. Факелы горели неровно, бросая рваные тени на стены. Свет цеплялся за камень, за цепи, за лица и от этого всё выглядело только хуже.

Чёрт возьми, куда я попала? И что со мной будет? Вопросы в голове мелькали один за другим, но ответов на них я получить не могла.

Из открытых окон подул ветер и моя обнажённая кожа покрылась мурашками. Захотелось прикрыться, спрятаться, убежать. Но два ублюдка сзади держали меня слишком крепко.

Я перевела взгляд вперёд и увидела трон. Я не сразу поняла, что это был именно он, но от вида строения меня снова замутило. Он весь был собран из обломков костей и черепов, с вросшими в них кусками металла. Кривой, неровный, как будто его не сделали, а сложили из того, что осталось. И на нём сидел он. Совершенно спокойно, как будто так и должно быть. Как будто весь этот мир принадлежит ему. Он лениво облокачивался на спинку и смотрел прямо на меня. И в его взгляде было слишком много всего. Интерес, тепло, что-то почти... ласковое.

Меня передёрнуло и захотелось сжаться в комок, но я не могла себе позволить показать ему свой страх.

Рядом с тронем стояла девушка. Я не сразу её заметила. Она была худенькая, невысокая с чёрными, как ночь в Пределе волосами. Они спадали по её плечам почти до талии, и у лица от лёгкого сквозняка развивалась одна седая прядь. Слишком белая на фоне её смуглой кожи. Но больше всего меня зацепило не это. А глаза. Один зелёный, яркий, тот же оттенок, что у него. Второй — карий. Она смотрела на меня и на секунду мне показалось, что я вижу в её взгляде сожаление, жалость и даже вину. Я моргнула и всё исчезло. Она снова стала отстранённой, отвела взгляд и стояла почти не дыша, только пальцами перебирала край рукава своего зелёного платья. Я перевела взгляд снова на трон и ощутила как внутри поднимается волна неконтролируемой ярости.

— Отпусти меня, — выдохнула я, глядя ему в глаза, и дёрнулась с новой силой. — Ты кто вообще такой, твою мать?

Руки на моих плечах сжались сильнее и я зашипела от боли.

Мужчина наклонил голову, рассматривая меня, будто впервые видел.

— Меня зовут Малкор, — сказал он спокойно.

Его имя прозвучало мягко и слишком чуждо для этого места. Он чуть повернул голову к девушке и слегка кивнул.

— А это моя дочь. Шиван.

Девушка едва заметно склонила голову, как будто боялась сделать лишнее движение. Я перевела взгляд обратно на него.

— Да мне плевать, как тебя зовут, — выдохнула я сквозь зубы. — Отпусти меня.

Он не отреагировал. Вообще.

— Раз уж ты у нас впервые, — продолжил он тем же ровным и мягким голосом, — я озвучу правила.

— Ты псих, — усмехнулась я нервно.

Цепи вокруг звякнули, кто-то зашевелился и слева раздался хриплый смешок. Я резко повернула голову. Они реагировали на мой голос, на звук. Чёрт.

Я снова посмотрела на него. Малкор наблюдал за мной с интересом.

— Ты моя гостя, — сказал он мягко. — Очень долгожданная. И я не хочу, чтобы ты сломалась раньше времени.

Меня передёрнуло.

— И ты всех гостей раздеваешь и сажаешь на цепь? — спросила я с кривой усмешкой. — Очень гостеприимно с твоей стороны.

Он не отреагировал, только склонил голову к плечу и чуть поддался вперёд.

— Первое правило, — продолжил он, как будто и не слышал моего вопроса. — Ты не двигаешься без разрешения.

Я медленно перевела взгляд по залу, пытаюсь найти вариант, как выбраться отсюда. Выход был, но только один, за моей спиной. Окна слишком высоко и на них решётки. Не вариант. Но если рвануть

— Второе. Ты говоришь только тогда, когда я позволю.

Я жала пальцы и поморщилась, будто съела что-то кислое. От его вкрадчивого голоса у меня начинала болеть голова. Или от количества мыслей, роящихся в голове. Я уже не понимала.

«Считай, Ари. Смотри. Думай». — приказала мысленно себе.

— Третье. Ты не причиняешь вред никому в этом зале.

— Серьёзно? — я коротко усмехнулась и кто-то из безумных резко дёрнулся на цепи.

— И четвёртое, — он поддался вперёд сильнее. — Ты стараешься мне не наскучить.

Он замолчал, сел ровно и закинул одну ногу на другую. А я смотрела на него и считала расстояние. Два человека за мной и двое у двери. Если быстро

— За мной придут, — выдохнула я. — Ты не знаешь с кем связался.

Он улыбнулся, почти тепло.

— Правда? И кто же?

Внутри всё похолодело от понимания. Никто. Никто не придёт.

Рейнар не сможет, он сам говорил... А Кай... про него думать мне вообще не хотелось. Придётся выбираться из этого дерьма самостоятельно.

Я резко дёрнулась и руки на мне ослабли всего на мгновение, но этого хватило, чтобы вывернуться. Цепь от ошейника оказалась под рукой и я намотала её на ладонь, рванув на себя. Один из них вскрикнул. Я быстро встала. Голова закружилась, но я не остановилась. Я побежала к выходу и почти смогла, но меня перехватили и скрутили руки назад. Цепь выскользнула из пальцев, я ударила пяткой назад и попала. Кто-то выругался и я дёрнулась ещё раз.

— Отпусти...

Меня швырнули на пол и я встретилась с камнем жёстко, разбивая колени в кровь. Воздух выбило из груди и я захрипела, пытаюсь вдохнуть. Бесполезно.

Я чуть подняла голову. Малкор уже стоял.

— Вот и первое нарушение, — сказал он спокойно, медленно приближаясь ко мне.

Я попыталась вырваться, но ничего не вышло.

Он подошёл ко мне близко, присел на корточки и коснулся моей щеки. Его пальцы были тёплыми, нежными и меня перекосило от этого. Я забилась ещё яростнее, но меня прижали к камню сильнее.

— Тише, — сказал он мягко и в этот момент я почувствовала укол в шею.

Я рванулась, но было поздно. Мир поплыл, звуки стали глухими и тело перестало меня слушаться, будто его просто выключили.

— Отец... — услышала я сбоку тихий и дрожащий голос Шиван. — Пожалуйста... не надо...

Он даже не обернулся, просто смотрел на меня и ласково гладил по щеке.

— Не переживай, дочка, — сказал он спокойно. — Я разберусь сам.

Меня подняли вверх и я уже почти не чувствовала тела.

— Твоё первое наказание, огненная дева. Правила нарушать нельзя, — сказал он глядя в мои закрывающиеся глаза. — Уведите её.

Голос расплывался, становился далёким, тёмным. И через несколько моих рваных вдохов всё исчезло.

Глава 2. Ариадна

Жажда не думала отступить. Она не становилась слабее, не утихала, а наоборот, с каждой минутой, с каждым моим рваным вдохом всё глубже впивалась в горло, будто кто-то изнутри сжимал его сухими пальцами. Я сидела, не двигаясь, и смотрела на эту чёртову кружку, стоящую в нескольких сантиметрах дальше, чем я могла дотянуться без последствий.

Она была так близко и одновременно так далеко.

Я знала, что будет, если я сделаю неверное движение и ошибусь. И всё равно не могла перестать сверлить её взглядом.

Вода внутри чуть дрожала, отражая слабый свет, и мне казалось, что она говорит со мной. Как будто зовёт.

— Какой же бред, — выдохнула я еле слышно и провела рукой по лицу. — Я схожу с ума...

Но мысль, что вот она здесь, уже въелась в голову и не отпускала.

«Нужно просто протянуть руку, Ари», — твердила я себе мысленно.

Я медленно выдохнула и сжала пальцы в кулак.

Нет, нельзя.

Я опустила голову на колени и, в попытке отвлечься, стала считать вдохи.

Первый.

Второй.

Пятый.

Не помогало.

Между вдохами я представляла, как беру эту кружку, как вода льётся в горло, как становится легче дышать. Я с силой потрясла головой, заставляя себя переключиться на что-то другое. Слушала звуки цепей, чужое дыхание, скрежет ногтей по камню. Пыталась прислушаться к нервному бормотанию моих сокамерников, но всё это только сильнее давило на меня, не позволяя выкинуть мысль о воде из головы. Всё здесь было пропитано жаждой, голодом и безумием.

И в какой-то момент я просто... не выдержала. Рука дрогнула — совсем чуть-чуть, и потом медленно, почти незаметно я потянулась вперёд, задержав дыхание, будто это могло меня спасти.

Я переводила взгляд с кружки на безумного, что сидел напротив. Он не сводил с меня взгляда и почти не шевелился, только чуть дёргал головой в такт моему сбитому дыханию.

Сантиметр за сантиметром я продвигалась вперёд и чувствовала, как напрягается всё тело, как начинает гудеть в висках, как сердце бьётся слишком громко, будто сейчас выдаст меня с потрохами.

Пальцы почти коснулись кружки. Ещё чуть-чуть и дотянусь.

Я резко дёрнулась, хватая ручку, но не успела притянуть её к себе. Цепь звякнула так громко, что у меня заложило уши, и я даже не успела ничего понять, только почувствовала, как грязные, холодные пальцы с силой вцепились в моё запястье. Я отшатнулась, рефлекторно вырывая руку из захвата. Его пальцы скользнули по коже, слегка задевая ногтями, и оставили после себя противное, липкое ощущение. И в этот момент кружка выскользнула из пальцев. Вода выплеснулась на камень почти вся.

— Чёрт... — выдохнула я сквозь зубы, не сразу осознавая, что тяну её к себе.

Безумный дёргался с такой силой, что цепь натягивалась до предела. Казалось, ещё немного — и крюк, вбитый в камень, выскочит, а он доберётся до меня. Но цепь держалась крепко.

Я замерла, прижимая кружку к себе, и почти не дышала, не веря, что я смогла. Я смотрела, как он пытался дотянуться до меня ещё несколько секунд, но ждать больше сил не было. Поднесла кружку к губам и жадно сделала глоток.

Вода была тёплой и, возможно, не совсем чистой. Я чувствовала привкус земли и чего-то затхлого, но мне было плевать. Я пила, не останавливаясь и не давая себе даже вдохнуть нормально, пока не осталось ни капли. Только тогда я опустила руку и посмотрела вниз. Камень был мокрым, пятно медленно расползлось, впитываясь в трещины.

Я зажмурилась на секунду, чувствуя, как внутри поднимается злость. На себя, на них, на всё это.

— Идиотка... — прошептала я едва слышно, но было уже поздно.

Теперь у меня не осталось ничего.

Жажда отступила, перестав вгрызаться в горло так отчаянно, как раньше, но не ушла на совсем. Стало легче дышать, и вместе с этим мысли перестали путаться и цепляться одна за другую. Я медленно выдохнула и чуть выпрямилась, заставляя себя снова осмотреться.

Восемь цепей по кругу и восемь существ, которые когда-то были людьми. Все они не сводили с меня взглядов и я понимала — они ждут. Ждут, когда я ошибусь.

Стоит мне немного вытянуть руку или ногу и они достанут до меня. Холодные мурашки пробежали по спине и я чуть повела плечом, пытаясь сбросить с себя их взгляды. Движение вышло едва заметным, но один из них дёрнулся. Цепь звякнула и рука с изломанными пальцами рванулась вперёд, не дотянувшись буквально на пару сантиметров.

Я замерла.

Сердце ударило сильнее и паника сжала горло липкими пальцами, но я заставила себя не шевелиться. Вообще. Я медленно вдохнула и так же медленно выдохнула, не сводя с них взгляда.

Мне не выйти отсюда самой. И единственное, что остаётся — следовать правилам.

Не шевелиться.

Не издавать лишних звуков.

Ждать.

Я провела языком по губам и снова ощутила привкус грязной воды. В голове всплыл образ Малкора. Его голос, его слова и спокойствие.

Ты не двигаешься без разрешения.

Ты говоришь, когда я позволю.

Я прикрыла глаза и почти беззвучно усмехнулась.

— Отлично, — прошептала я еле слышно. — Значит будем играть по твоим правилам, ублюдох...

Снова открыв глаза, я медленно провела взглядом по камере, уже не как загнанное животное, а как человек, который хочет выжить.

Рано или поздно меня выпустят отсюда, и я была в этом уверена. Если бы Малкор хотел убить, то сделал бы это сразу. Эта мысль пришла в голову спокойно и почти отстранённо.

Это моё наказание, и я могу умереть здесь. Но не из-за него, а только из-за своей ошибки.

Я сжала пальцы в кулак, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, и чуть сильнее выпрямила спину, игнорируя боль в мышцах.

Значит, нужно дождаться и дать им самим открыть эту клетку.

Я медленно втянула воздух, стараясь удержать дыхание ровным, и на секунду прикрыла глаза.

Когда за мной придут... я не буду дёргаться, не буду огрызаться, не буду делать ни одного лишнего движения. Я сыграю. Стану такой, какой он хочет меня видеть: послушной, тихой, удобной.

Но только на время.

Я открыла глаза и снова провела взглядом по кругу, уже внимательнее, цепляясь за детали, за тени, за всё, что может пригодиться потом.

Сначала — выйти, понять, где я и как всё тут устроено. Найти слабые места, где они ошибаются. И только потом — бежать.

Я чуть повела плечом и заставила онемевшие пальцы разжаться.

— Потерпи, Ари, — произнесла я одними губами. — Просто... дождись.

И в этот момент паника отступила куда-то за грань. Осталась только уверенность и голый расчёт. Потому что положиться мне больше не на кого.

Понимание этого пришло резко и грудь сжало такой болью, что дыхание снова сбилось.

Кай.

Имя всплыло в голове так неожиданно, что пришлось стиснуть зубы, чтобы не издать ни одного звука. Перед глазами вспыхивали обрывки — взрывы, крики, камень, который сыпется сверху и его взгляд его выбор.

— Чтоб ты сдох... — выдохнула я сквозь зубы, даже не заметив, что сказала это вслух.

Реакция безумных была мгновенной. Слева рванулись сразу двое и их пальцы прошли близко к моему плечу. Я резко сжалась, подтягивая колени к груди, стараясь занять как можно меньше места.

— Тихо... тихо... — зашептала я, зажмурившись. — Спокойно...

Но они не сразу утихли. Один из них бился на цепи, скалился и тянулся ко мне, пока металл не впился ему в шею так сильно, что я услышала булькающий хрип. Меня затрясло и я сжалась ещё сильнее, задерживая дыхание, будто этим могло сделать меня незаметной.

Постепенно их движения стали слабее, крики снова превратились в бормотания и я медленно открыла глаза, чувствуя как внутри всё дрожит.

«Контролируй себя» — приказала мысленно, прижавшись лбом к коленям и закрывая глаза. — «Не давай им повода»

Мысли снова потекли, но уже тише, ровнее. Я вспомнила Лиру и Сиерру. В груди вспыхнула надежда, смешанная со страхом. Я верила, что они добрались до убежища целыми и невредимыми.

И среди этого всего всплыло другое имя.

Рейнар.

Перед глазами встал тот момент, когда меня забрали. Граница, ветер, его голос. Он звал меня и хотел помочь, но не мог. Я медленно выдохнула, чувствуя как внутри что-то сжимается.

Он обещал мне, что будет рядом, что защитит. И я помнила это. Он не из тех, кто бросает слова на ветер.

Я верила, что он найдёт способ. Обязательно. Но пока...

Я открыла глаза и снова посмотрела на цепи вокруг. Пока он ищет — мне нужно выжить и попытаться самой найти выход.

Я медленно выпрямилась, насколько позволяла эта проклятая клетка, и замерла, почти не дыша, прислушиваясь к каждому звуку вокруг.

— Ладно, — прошептала я едва слышно. — Давай поиграем, Малкор...

Время для меня здесь перестало существовать. Я не знала, сколько просидела в этой клетке, потому что ничего не менялось. Совершенно.

По началу я пыталась считать вдохи, звуки, звяканье цепей, потом сколько раз засыпаю и просыпаюсь. Но в какой-то момент всё просто исчезло, потому что появился голод.

Он подступал ко мне медленно. Сначала пустота ширилась в желудке, но ещё было терпимо, потом появилась тупая тянущая боль под рёбрами. Жажда же вернулась ещё быстрее, будто обиделась на меня за то, что я о ней на время забыла.

Но ни еды, ни воды у меня не было.

Мысли об этом постоянно крутились в голове. Они не просто мелькали, как лёгкое желание или мечта, а вгрызались в сознание, заставляя сжиматься желудок резкими спазмами.

Сидеть я уже не могла. Тело ослабло настолько, что в один момент я просто завалилась в бок и подняться уже не смогла. Я лежала, прижав колени к груди, и пыталась отвлечься от голода воспоминаниями. Единственной яркой была моя ненависть к Каю. Я постоянно прокручивала в голове одно и то же. Снова и снова. И в какой-то момент мне казалось, что я начала сходиться с ума.

Я стала видеть его черты лица в камне. Его яркий взгляд, его наглую улыбку, которую я так любила и мне хотелось дотянуться до него. До его шеи. Сжать её со всей силой, которая ещё теплилась в моём изголодавшемся теле.

Со временем мысли в голове стали расплываться. Становились вязкими и тяжёлыми, будто кто-то залил смолу мне в голову. Я перестала ощущать тело. Ноги онемели, спина горела от напряжения, а пальцы на руках мелко подрагивали.

Я проваливалась в полубредовый сон всё чаще. Он был рваный, поверхностный, потому что я боялась пошевелиться во сне и не проснуться.

Звуки цепей и хрипов безумных я тоже почти не слышала. Они были где-то рядом, но ощущались очень далеко.

В один из таких снов я пробудилась от странного звука, будто что-то упало сверху. Я не сразу поняла, что это, пока моего колена не коснулось что-то мокрое. Я распахнула отяжелевшие веки и попыталась сфокусировать взгляд. Получалось ужасно плохо. Перед глазами плыло, и мне казалось, что клетка вращается.

Безумные же сходили с ума и дёргались на своих цепях, пытаясь до меня добраться. Но я не сводила взгляда с этого предмета. Что-то круглое, тёмное и... мокрое.

Бурдюк.

Это был бурдюк с водой.

От удара о камень он открылся и вода тонкой струйкой вытекала на камень, впитываясь в трещины.

Вода.

Я не сразу поняла, что тянусь к ней. Мне было уже всё равно достанут до меня безумные или нет. Я просто тянула свои дрожащие пальцы, пытаясь ухватиться за ремешок.

«Ну же, Ари», — взмолилась я мысленно.

Пальцы коснулись ремня и я потянула его на себя, выплёскивая воду.

Уже поднеся бурдюк к потрескавшимся губам, я вспомнила кружку и заставила себя на секунду замереть.

Мне нельзя выпивать всё.

Я не знала, будет ли ещё вода и сколько мне осталось тут сидеть. Нужно поберечь её, пока совсем плохо не стало.

Я с силой зажмурила глаза и начала медленно опрокидывать бурдюк. Вода тонкой струёй полилась в моё пересохшее горло. Она была всё такой же тёплой и отдавала землёй, но я не обращала на это никакого внимания. Это была вода и этого было достаточно. Я сделала слишком большой глоток, захлебнулась и резко отняла бурдюк от лица.

Вода потекла по подбородку, а я закашлялась так сильно, что из глаз брызнули слёзы.

Я лежала на боку, пытаясь прокашляться, а рука всё так же сильно сжимала спасительный сосуд трясущимися пальцами.

Когда приступ прошёл и дышать стало легче, я снова поднесла бурдюк к губам. Но в этот раз действовала медленнее. Сделала буквально несколько глотков и заставила себя остановиться.

«Экономь воду, Ари», — ругала я себя мысленно.

Закрыв бурдюк крышкой, я снова положила голову на камень и прикрыла глаза, прижимая сосуд к груди.

Стало немного легче. Жажда отступила, но с новой силой вернулся голод. Тошнота подкатывала к горлу волнами, и я всеми силами пыталась себя отвлечь, слушая своё рваное дыхание и считая звяканье цепей.

Я не сразу поняла, что становится хуже не только моему телу.

Мне стало скучно.

Настолько, что я начала разговаривать сама с собой, даже не осознавая, что именно говорю.

Сначала это были какие-то фразы, произнесённые одними губами, затем я почувствовала себя чуть смелее и стала говорить вслух со своими сокамерниками.

— Знаете, — прошептала я, не поднимая головы. — Он предал меня. Нас всех.

Где-то справа звякнула цепь и я медленно повернула голову. Там сидела женщина. Её волосы были спутаны, лицо грязное и всё покрыто рваными шрамами. Глаза были пустыми как и у всех, но иногда мелькало что-то... осознанное. Или мне просто так казалось.

— Меня зовут Ари, — сказала я тихо. — А тебя?

Она резко дёрнулась, губы зашевелились и она сказала что-то неразборчивое и хриплое.

Я коротко усмехнулась и перевернулась на правый бок, чтобы было удобнее с ней говорить.

— Я назову тебя Хельга.

Она задёргалась сильнее, реагируя на мой голос и я подтянула колени ближе к груди, обнимая их.

— Вот и отлично, Хельга. Значит будем общаться. А то, наверное, и тебе здесь скучно сидеть.

Она что-то прохрипела и потянула ко мне свои скрюченные пальцы.

— Так вот, — продолжила я. — Он говорил, что любит меня, а потом... сдал. Представляешь?

Хельга замычала и затрясла головой. Цепь, держащая её снова звякнула, я и кивнула сама себе.

— Вот и я думаю, что он козёл.

Слева кто-то резко захихикал, и я перевела свой взгляд туда.

— А ты кто у нас? — спросила я у существа, которое отдалённо напоминало лысого мужчину. — Не смотри так, сейчас и тебе имя дам...

Я замолчала на секунду, рассматривая его внимательно. Он был полностью лысый, худой, со впалыми щеками и глазами. У него не было одной кисти, и он мне напомнил рыбака из Лиоры. Льюиса. Мерзкий был тип.

— Будешь Льюисом, — выдохнула я и сама тихо усмехнулась.

Смешно. И... совсем не смешно. Я и правда начала сходить с ума, раз веду беседы с безумными. Но всё равно не могла остановиться, потому что эти разговоры отвлекали меня от жуткого голода, который вгрызался в меня зубами всё сильнее.

Я начала говорить чаще, потому что иначе было невозможно.

Я рассказывала им всё подряд. Про Хольм, про то, как я жила и воровала, про Кая и Рейнара.

— Они оба хотели меня спасти, — прошептала я однажды, уставившись в камень.

Голос сорвался на хрип и я сглотнула.

— И не смогли...

Кто-то рядом захрипел, и я кивнула.

— Да, знаю, я в полной жопе.

Иногда мне казалось, что они меня понимают. Иногда, что это я начинаю понимать их. И это пугало сильнее всего.

Со временем вода в бурдюке закончилась, голод стал ближе и это единственное о чём я могла думать. Живот сжимало и скручивало так, что хотелось выть. Тело трясло, пальцы дрожали, даже когда я старалась не двигаться.

Душевные беседы с Хельгой, Льюисом и остальными сошли на нет, потому что рот настолько пересох, что мне с трудом удавалось даже сглотнуть. Не говоря уже о разговорах.

Голова кружилась всё чаще, мир плыл, и я перестала понимать, где заканчивается камень и начинается темнота.

Я проваливалась в дрёму всё чаще и не всегда получалось проснуться. Я пыталась. Правда пыталась. Держаться, не закрывать глаза на долго. Но не могла.

Темнота не отпускала, веки не поднимались, а дыхание становилось всё более поверхностным.

Но однажды... я спала, если это можно было назвать сном, и мне снился Хольм. Живой, тёплый, привычный. Мне было хорошо, так хорошо, что просыпаться совсем не хотелось. Но сквозь это тепло в моё сознание проникло странное ощущение.

Кто-то скрёб, и я не сразу поняла где. Потом почувствовала, как моей руки касаются чьи-то ногти. Они скребли неприятно, больно и очень старательно.

Я резко распахнула глаза и уставилась в темноту.

Безумный, что был ближе всех дотянулся до моей руки, которую я во сне случайно вытянула вперёд. Он касался пальцами, совсем чуть-чуть. Проводил ногтями медленно, пытаюсь ухватиться.

Я резко отёрнула руку и сжалась в комок, прижав все конечности к груди. От такого резкого движения голова закружилась с новой силой.

Цепь безумного звякнула и он рванулся вперёд сильнее, но не достал.

Я тяжело дышала, глядя на него, виски пульсировали и сердце колотилось где-то в горле.

— Я расслабилась... — произнесла я одними губами, чувствуя как тело сотрясает крупная дрожь.

Через несколько мгновений, моё дыхание успокоилось, будто тело переставало бороться.

Я уже почти не чувствовала рук и ног, не чувствовала, где заканчиваюсь я и начинается камень, на котором я лежу. Вокруг всё потеряло чёткость, линии исчезали, и всё превращалось в серое пятно, в котором я уже не могла за что-то зацепиться.

Я всё еще пыталась считать, пыталась говорить и держаться за звук собственного голоса.

— Хельга... — прошептала я, не поднимая головы. — Ты здесь?

В ответ раздалось тихое шевеление. Не такое резкое, как раньше. Я моргнула, пытаюсь сфокусироваться на том, что вижу и на том, о чём думаю, но мысль ускользала, так и не оформившись во что-то внятное, потому в следующее мгновение на меня накатила такая сильная волна тошноты, что мне показалось: я умираю.

«Дыши... просто дыши, Ари», — умоляла я себя мысленно.

Я втянула воздух, но он застрял где-то в груди, не давая облегчения.

Тело было тяжёлым и каким-то чужим.

Я понимала, что умираю. Что в следующий раз, возможно, не проснусь. И эта мысль возникла в голове так спокойно, что стало... страшно.

Я всегда боялась умереть. Всегда боролась, бежала, спасалась. А сейчас сейчас мне было всё равно.

Я зажмурила глаза на секунду, сильно, так, что за закрытыми веками замелькали цветные круги.

Нет.

Нельзя.

Я не могу так просто сдаться.

Я резко втянула воздух, стараясь разбудить себя болью, напряжением, хоть чем-то.

«*Вставай*», — кричала я мысленно. — «*Давай, двигайся... не сейчас...*»

Но тело не слушалось совсем. Я смогла только снова открыть глаза и посмотреть мутным взглядом по кругу. На цепи, на расстояние, на них. И вдруг заметила, что они стали тише. Они не смеялись так громко и не дёргались так иступлённо, как раньше.

Как будто...

Мысль попыталась зацепиться за ускользающее сознание, но не смогла. Потому что мир снова поплыл, но сильнее, чем раньше. Я попыталась сфокусироваться, попыталась удержаться, но всё расплывалось и уходило.

Я слышала дыхание вокруг, шорох цепей, чьё-то всхлипывание не такое, как раньше. Я попробовала поднять голову и посмотреть, понять, но не смогла. Веки стали тяжёлыми, как будто мне в глаза налили свинца.

Я попыталась моргнуть.

Раз.

Второй.

И в какой-то момент я просто не открыла глаза.

Глава 3. Ариадна

Здесь не было ничего. Ни голода, ни жажды, ни боли.

Я парила, будто в вязком киселе, который любила варить Эльма осенью из лесных ягод. Эльма...

Это имя было во мне, и одновременно его не было. Как и других мыслей.

Я не осознавала себя, своё тело. Я просто была. А возможно, и нет.

В какой-то то момент, я словно поднялась выше. Меня что-то крепко держало. Или кто-то...

Я куда-то плыла. Вперёд или назад, я не знала. Но я двигалась, ведомая чем-то извне.

Густая и плотная темнота ласково поглаживала моё тело, обволакивая и окутывая своими щупальцами.

Мне было хорошо...

Или не было. Я не знала и этого.

Но вдруг темнота позади меня начала уплотняться. Она стала жёсткой, как камень. Ощувив её под своими лопатками я распахнула глаза.

Первое, что я поняла — здесь было тихо. Никто не скрёбся, не хихикал и не пытался меня сожрать.

Медленно моргая, я пыталась сфокусировать взгляд, но выходило дерьмово. Дыхание вырывалось из горла сухим хрипом, будто лёгкие схлопнулись, а тело совершенно не слушалось. Стараясь вернуть над ним контроль, я пыталась собраться и хоть немного пошевелиться.

Не выходило.

И я решила больше не пытаться. Просто закрыла глаза и стала считать свои хриплые вдохи.

Первый.

Второй.

Десятый.

Когда счёт перевалил за сотню, в тело вернулась чувствительность, голова немного прояснилась, и я всё-таки нашла в себе силы чуть повернуть голову и осмотреться.

Клетка.

Я была в той самой клетке, в которой впервые пришла в себя, очутившись в Мёртвых землях. Лежа на спине, я водила взглядом по прутьям решётки, пока не наткнулась на ржавый поднос. На нём стояла миска, наполненная чем-то непонятным, и кружка.

Еда и вода.

Резко перевернувшись на бок, я застонала от боли прострелившей мою голову.

Чёрт

«*Соберись, Ари... ты... сможешь*», — пыталась я привести себя в чувства мысленно.

Я медленно опёрлась ладонью о грязный, холодный пол и тут же почувствовала, как тело повело в сторону. Голова тяжело качнулась, и виски снова прострелило болью, но остановиться я уже не могла. Следом вторая рука неуверенно опустилась на камень, и пальцы дрогнули, когда я попыталась удержать себя от падения. Ладони скользили по пыли, всё тело тряслось, как в судорогах, пока я пыталась хоть немного вернуть над ним контроль и сдвинуться с места. Подтянув колени под себя, я рывками, почти на автомате, стала двигаться вперёд. Расстояние было совсем крошечным, но в моём плачевном состоянии казалось огромным. Я ползла медленно. Руки дрожали, подкашивались, и я больно ударялась локтями о пол.

Но я не останавливалась. Не могла.

В голове билась единственная мысль — мне нужно добраться до еды.

Я хочу есть.

Еда.

Рядом.

Ещё чуть-чуть.

И я смогла. Падая на колени, я схватила миску дрожащими пальцами и накинулась на еду. Мне было всё равно, что именно там лежало. Загребая пищу грязными пальцами, я просто заталкивала её в рот, совершенно не чувствуя вкуса.

Я мычала от удовольствия, давилась, но всё равно продолжала пихать в себя еду, почти не жуя, пока миска не опустела полностью. Но и на этом я не остановилась. Прижав её к лицу, я начала жадно вылизывать остатки пищи, чувствуя на языке противный металлический привкус ржавчины.

Со стороны я, наверное, выглядела жалко, но мне было плевать.

На всё.

Миска со звоном ударилась о каменный пол, когда я выронила её из рук, но этот звук прошёл мимо меня. Всё внимание уже было на кружке, в которой чуть покачивалась мутная вода.

Вода.

Протянув трясущуюся руку, я ухватилась за ручку и поднесла кружку к губам, расплескав немного воды на себя и на камень. Жадно прикинув к краю, я стала пить, делая большие глотки. Вода полилась по подбородку, скапливаясь на ключицах, но большая часть всё-таки попала куда нужно. По телу медленно расползлось тепло, а вместе с ним жуткая усталость. Веки снова начали тяжелеть, и я опустилась на камень, отбрасывая в сторону опустевшую кружку, и забылась тяжёлым, но таким долгожданным сном.

Я проснулась от скрипящего звука открывшейся клетки. Не знаю сколько удалось мне поспать, но по ощущениям достаточно, чтобы хоть немного прийти в себя. В теле ещё чувствовалась слабость, но уже не такая яркая, как раньше. Открыв глаза, я бросила взгляд на выход. Там стояли двое тех же громил.

— Снова вы, мальчики, — прохрипела я севшим голосом. — Я уже успела по вам соскучиться.

Они ничего не ответили, а я не торопилась вставать. Я лежала на спине, пытаюсь прогнать сон из головы, и медленно переводила взгляд с одного на другого.

— Встала, — приказал тот, что со шрамом, пересекающим почти всю правую половину лица.

Он шагнул внутрь клетки, явно намереваясь меня поднять и вытащить отсюда, если я буду сопротивляться. Второй же остался снаружи и смотрел куда-то в сторону.

Полежав еще секунду, я стала медленно подниматься. Тело сразу запротестовало, отдавая болью даже в мизинцах на ногах. Я поморщилась и мельком оглядела себя. Всё обнажённое тело было покрыто слоем грязи, пыли и липкого пота. Колени разбиты, но кровь уже давно запеклась, неприятно тянула и чесалась. Если честно, чесалось всё. Особенно кожа под ошейником. Я подняла руку, пытаюсь дотянуться до шеи и избавиться себя от этого ощущения, но сделала только хуже. Обломанные грязные ногти царапали кожу и вызывали только боль вместо облегчения.

Громила со шрамом шагнул ближе ко мне, но я резко вскинула руку, останавливая его.

— Я сама, — процедила я сквозь зубы и держась за стену медленно поднялась.

Голова немного кружилась, ноги дрожали, но в целом чувствовала себя терпимо.

Шагнув навстречу своему конвоиру, я чуть качнулась, и он, не дожидаясь, пока подойду ближе или свалюсь, резко схватил меня выше локтя и потянул к выходу. Мне хотелось вырваться из крепкого захвата, но я только сильнее сжала зубы.

«Будь послушной, Ари. Тебе не нужны лишние проблемы», — одёрнула я себя мысленно.

Как только я оказалась за пределами клетки, второй громила схватил меня за другую руку и они потащили меня куда-то.

Я не сопротивлялась. Шла, медленно переставляя ноги. Иногда спотыкалась, и тогда они крепче сжимали пальцы на моих руках, не давая упасть. Я морщилась от боли, но продолжала идти, пытаясь запомнить выход из этого подземелья.

Мы поднимались вверх по нескольким лестницам, несколько раз сворачивали вправо и ещё несколько влево. Я старалась взглядом зацепиться хоть за что-то, что помогло бы запомнить путь, но ничего не выходило. Коридоры были одинаковыми: грязными, каменными и лишёнными каких-либо отличительных черт. Запах тут стоял тяжёлый, влажный, земляной и немного гнилой.

Отчаяние поднималось где-то внутри липкой волной, и я стала рассматривать трещины в камне, пытаясь запомнить хоть что-то. Глаза метались от пола к потолку и снова к стенам. Дыхание участилось, грозясь выдать мой страх.

Понимание, что мне отсюда не выбраться начало перерастать в неконтролируемую панику, когда я заметила необычный камень с трещиной в виде изломанной звезды.

И эта трещина стала моим якорем.

Я запомнила.

Запомнила хоть что-то.

Дыхание стало выравниваться, а паника и отчаяние медленно отступать.

«Ты выберешься отсюда», — сказала я себе мысленно. — «Выберешься, чего бы этого не стоило».

Мы прошли ещё несколько поворотов и лестниц. С каждым шагом камень под ногами становился суше, ровнее, будто подземелье постепенно заканчивалось и начиналось что-то другое — более чистое и аккуратное, похожее на место, где живут люди. Именно живут, а не выживают. Запах земли и гнили сменился на запах трав и чего-то ржавого. Сначала я подумала, что меня ведут снова в тот тронный зал, но коридор стал слишком правильным для того места.

В конце пути нас остановила большая, тяжёлая дверь. Я не успела задержать на ней взгляд, чувствуя, как тело заваливается вперёд от резкой остановки, и уставилась в пол, пытаясь удержать равновесие. Тот, что со шрамом отпустил мою руку и коротко постучал.

— Войдите, — прозвучал, приглушённый голос Малкора.

Дверь открылась, и меня втокнули внутрь. Не устояв на ногах от сильного толчка, я рухнула на камень, упираясь ладонями в пол. Удар прошёл по запястьям до локтей, колени резко заныли, и я едва не зашипела сквозь зубы. Хотелось кричать, ругаться, требовать, чтобы меня немедленно выпустили отсюда, но я помнила правила. Стиснув челюсть так сильно, что заныли зубы, я медленно подняла взгляд.

Кабинет оказался странно уютным для человека, которому он принадлежал. Высокие узкие окна с острыми, почти колючими верхушками пропускали тонкие полосы мягкого утреннего света. Решётки на них отбрасывали причудливые тени, которые выглядели больше как узор, а не как преграда. По стенам тянулись редкие факелы, давая ещё больше тёплого света. Пламя на них мелко подрагивало, отражаясь от тёмного, местами отполированного до почти зеркальной гладкости камня.

Малкор сидел за большим каменным столом, расслабленно опираясь на высокую спинку стула. Он смотрел на меня своими жуткими зелёными глазами, а на губах играла мягкая улыбка.

— Оставьте нас, — сказал он, не отрывая от меня взгляда.

За спиной тут же послышались шаги. Дверь тяжело закрылась, и кабинет погрузился в тишину.

Медленно поднявшись с колен, я старалась не показывать, насколько дрожат ноги после этого проклятого наказания. Всё тело ломило, мышцы горели от слабости, а голова всё ещё оставалась мутной, но падать перед ним второй раз я не собиралась.

Малкор наблюдал за мной с ленивым спокойствием, как будто заранее знал каждое моё движение.

— Я рад, что ты выжила, — произнёс он мягко. — Не все выдерживают неделю в круге. Неделю.

Я была там неделю.

И он говорил об этом таким голосом, будто отправил меня на курорт, а не на смерть.

Злость во мне вспыхнула мгновенно. Я уже открыла рот, чтобы выплюнуть что-нибудь резкое, ядовитое, но слова застряли где-то в горле.

В памяти всплыли правила, а перед глазами слишком ярко вспыхнули лица тех безумных в круге. Их зубы. Их руки и... смех.

Я резко закрыла рот и стиснула зубы, пытаюсь сдержаться и не наговорить того, о чём потом пожалею. Малкор это, конечно, заметил и уголки его губ дрогнули в слабой улыбке.

— Вижу, наказание всё-таки пошло тебе на пользу.

Медленно сжав пальцы в кулаки, я почувствовала, как обломанные ногти впиваются в кожу, оставляя рваные полумесяцы.

Ублюдок.

«*Не реагируй, Ари*», — уговаривала я себя мысленно. — «*Не ведись. Терпи.*»

Он скользнул по мне взглядом сверху вниз. Медленно и спокойно, не задерживаясь ни на чём конкретном. И я только сейчас особенно остро ощутила собственный вид — грязная кожа, спутанные волосы и обнажённая уязвимость, которой нельзя было скрыть синяки и засохшую кровь на теле.

Но необычнее всего было другое. В его взгляде не было желания. Вообще.

Ни интереса мужчины к женщине, ни похоти, ни даже попытки рассмотреть во мне девушку. Он смотрел так, будто перед ним стояла редкая зверушка, и от этого становилось по-настоящему жутко. Но одновременно одновременно часть напряжения внутри всё же ослабла, совсем немного.

Когда Малкор рассмотрел всю меня и медленно поднял взгляд к лицу, мне захотелось ргнуться ещё раз. Он смотрел вдумчиво, будто пытаюсь пролезть мне в голову и узнать ответы на его вопросы.

Он долго молчал, и я уже решила, что он так ничего и не скажет, но спустя несколько секунд он всё же заговорил:

— Думаю, у тебя много вопросов, — сказал он, растягивая слова. — Ты можешь их задать.

Я нахмурилась, не зная с чего начать. Вопросов в голове было слишком много. Они давили друг на друга, путались, сталкивались, а мутное сознание не помогало им собраться во что-то внятное.

— Что тебе от меня нужно? Зачем я здесь? Почему эти твари Кто ты вообще такой?!

Слова посыпались быстро и я не успевала отследить то, что говорил мой рот. Дыхание сбилось, и я чуть покачнулась на пятках, теряя равновесие.

Малкор неожиданно тихо рассмеялся и покачал головой, будто ожидал от меня подобного поведения.

— Тихе, — произнёс он, не переставая улыбаться. — Не всё сразу.

Он поднялся из-за стола и медленно подошёл ко мне. Тело инстинктивно напряглось и я сделала пол шага назад.

— Ты находишься в моём городе, — сказал он. — Мы называем его Иркалис.

Название прозвучало чуждо, холодно и слишком чисто для такого места, которое кишит безумными.

— Я правитель этих земель, — продолжил он, видя мою озадаченность. — В Тирене не любят говорить о нас, верно?

Я только сильнее нахмурилась и не ответила на его вопрос. В Тирене действительно никогда не говорили об этом месте.

Малкор медленно приближался ко мне и через несколько мгновений уже стоял рядом. Настолько близко, что я почувствовала запах дыма, трав и чего-то железного, похожего на кровь.

— Ты моя очень долгожданная гостья.

— В смысле долгожданная? — я резко вскинула на него взгляд, пытаюсь понять о чём он говорит.

Он чуть улыбнулся и склонил голову в бок.

— Я ждал тебя.

По моему позвоночнику пробежал холод от его слов, но я заставила себя стоять на месте и не шевелиться.

— Мы даже не знакомы, откуда ты мог знать, что я появлюсь?!

— Это не имеет значения. Главное не то, как ты здесь оказалась, — спокойно произнёс он. — Главное, что ты здесь останешься. Иркалис теперь твой дом.

Внутри всё резко сжалось и я совершенно не понимала, что происходит и куда я на самом деле вляпалась. Все выглядело как какая-то плохая постановка.

— Что ты...

— Скоро в Иркалис придут наши друзья, — продолжил Малкор, будто не замечая моего напряжения. — У нас будут игры.

Игры.

От одного этого слова стало не по себе.

— И я хочу, чтобы ты была рядом, — он склонил голову, снова рассматривая меня и мне до ужаса захотелось прикрыться. Но я не пошевелилась, только сильнее сжала кулаки. — Но рядом со мной могут находиться только свои.

Я смотрела на него, почти не моргая, и пыталась понять какую игру он ведёт и чем мне это грозит.

— О чём ты вообще говоришь?..

— Чтобы стать одной из нас, тебе нужно пройти наречение.

У меня внутри всё похолодело.

— Что? Какое ещё наречение? — спросила я и голос меня подвёл, переходя из внятного в какой-то хрип.

— Скоро узнаешь, дорогая, — ответил он с улыбкой. — Не хочу портить сюрприз.

— Нет, — почти выкрикнула я, теряя контроль. — Нет, ты сейчас мне всё объяснишь. Что здесь происходит? Кто вы такие? Что вам от меня нужно? Вы все тут сумасшедшие!

Последние слова вырвались из меня почти рыком, грудь ходила ходуном от частых и резких вдохов, а пальцы на руках уже онемели — так сильно и долго я их сжимала.

Малкор никак не реагировал, только медленно подошёл ближе. Я дёрнулась назад, но упёрлась лопатками в дверь.

Бежать было некуда.

Его тёплые, мягкие пальцы почти ласково коснулись моей щеки, убирая спутанную рыжую прядь, и меня передёрнуло. Он внимательно наблюдал за моей реакцией, но руку убирать не спешил.

— Как тебя зовут? — тихо спросил он.

Я замолчала на секунду, пытаюсь не ощущать прикосновение его пальцев, а потом процедила сквозь зубы:

— Ариадна.

— Ариадна... — повторил он медленно, смакуя моё имя, будто пробуя на вкус. — Прекрасное имя. Но тебе придётся его забыть.

Его взгляд похолодел, и меня внутри всю затрясло.

— У тебя больше нет имени.

Он резко отвернулся от меня и пошёл к столу.

— Уведите её, — бросил он не оборачиваясь.

А я поняла, что в круге было безопаснее, чем за его пределами.

Дверь за моей спиной резко распахнулась, и я чуть не упала ничком назад, но меня подхватили сильные руки и потащили в коридор.

— Отпустите меня! — закричала я, пытаюсь вырваться, но меня, естественно, никто не послушал. Руки на мне сжались сильнее и я поняла, что сопротивляться бесполезно.

Сердце выстукивало рваный, быстрый ритм, а голова начала кружиться от новой волны паники. Но я не сдавалась, пытаюсь вырваться из захвата. В один момент ошейник дёрнули так резко, что я едва не упала. Я не сразу поняла, что произошло, только услышала знакомый металлический щелчок у шеи. Они снова пристегнули цепь к ошейнику, и тот, что со шрамом намотал её себе на руку несколько раз, будто боялся, что я снова попытаюсь вырваться, а второй подошёл ближе с тёмной тряпкой в руках.

— Нет, — выдохнула я, сразу понимая, что он собирается делать.

Я дёрнулась назад, но цепь натянулась так сильно, что ошейник больно впился в кожу. Шрамированный резко рванул её на себя и я захрипела, хватая ртом воздух.

— Не рыпайся, — сказал он глухо.

Второй шагнул за спину и натянул мне повязку. Резко упавшая на глаза темнота дала панике снова поглотить меня, и я не выдержала, забившись с новой силой. Я попыталась вырвать руки, но пальцы шрамированного сжались на цепи ещё сильнее.

— Что вы делаете? — прохрипела я. — Куда вы меня тащите?

Ответа, конечно, не было. Они просто поволокли меня вперёд.

Без зрения коридоры стали ещё хуже, чем раньше, и я спотыкалась почти на каждом шаге. Камень под ногами то уходил вниз, то резко поднимался, ступени появлялись внезапно, и я несколько раз больно ударилась пальцами о выступы, едва удерживаясь на ногах. Каждый раз цепь дёргали сильнее, заставляя выпрямиться.

— Осторожнее, уроды, — процедила я, когда очередной раз запнулась о край ступени.

Шрамированный ничего не сказал, только сжал мою руку так, что пальцы онемели.

Я пыталась считать шаги, повороты, лестницы, но в темноте всё смешивалось и я полностью потеряла ориентацию в пространстве. Вправо, влево, вверх, снова прямо. Я сбивалась, начинала заново, снова сбивалась и злилась всё сильнее, потому что понимала: они специально закрыли мне глаза. Специально лишили меня единственного, чем я могла воспользоваться.

Возможности запомнить путь.

Меня тащили ещё некоторое время и в один момент воздух изменился. Он стал холоднее, живее и не таким затхлым, как в подземелье. Кожа мгновенно покрылась мурашками, и зубы начали стучать раньше, чем я успела сжать челюсти.

Где-то впереди гудели голоса. Много голосов. Шум, смех, выкрики, скрип телег и плеск грязи под ногами.

Улица. Мы вышли на улицу.

Меня снова дёрнули, заставляя идти быстрее. Под ногами был уже не ровный камень коридоров, а грубая мостовая. Острые края впивались в ступни, и я поморщилась, когда один

камень рассёк ногу. Боль была слабой, почти смешной после всего, что уже случилось, но от неё почему-то стало ещё хуже.

Я чувствовала город. Я его не видела, но слышала. Как только мы прошли дальше в нос ударили запахи. Дым, сырая земля и гниль. Что-то сладковатое, тяжёлое, от чего меня мутило сильнее, чем от вони подземелья.

И жизнь. Здесь действительно была жизнь. Люди говорили, смеялись, переругивались, кто-то тащил что-то тяжёлое, где-то плакал ребёнок. Но всё это смешивалось с запахом смерти так тесно, что становилось непонятно, где заканчивается одно и начинается другое.

Это место не было похоже ни на один из городов, в которых я бывала раньше. Не Лиора, не Сальмир, и уж точно не Хольм. Иркалис жил, но жил как-то не правильно. Как гнилое мясо, которое ещё дёргается.

Меня толкнули вперёд и затем вверх. Нога нащупала деревянную ступень и потом ещё одну. Доски под босыми ступнями были шершавыми и влажными. Я пыталась притормозить, но меня подняли почти силой, и через пару мгновений поставили спиной к чему-то твёрдому.

Столб.

Я поняла это, когда мои руки резко завели назад.

— Твари, — выдохнула я, дёрнувшись. — Отпустите!

Верёвка туго обвила запястья, и я дёрнула руками, пытаюсь освободиться, но узел только сильнее впился в кожу. Плечи болезненно выворачивало назад, грудь раскрылась и от этого стало ещё холоднее. Я нервно поворачивала голову из стороны в сторону, пытаюсь понять, где они, что происходит, кто вокруг.

Смех вокруг стал громче и кто-то присвистнул.

— Снимайте, — раздался голос Малкора.

Повязку сорвали с глаз, и свет ударил так резко, что я зажмурилась. Тут же брызнули слёзы, и я несколько раз моргнула, пытаюсь привыкнуть, но всё расплывалось. Перед глазами прыгали светлые пятна, волосы липли к лицу, и я тряхнула головой, стараясь убрать их.

Когда зрение наконец стало возвращаться, я поняла, что нахожусь на площади. Если это место вообще можно было назвать площадью. Широкое каменное пространство между кривыми домами, построенными из тёмного камня, обломков металла и костей. Над крышами поднимались тонкие трубы, из которых валил серый дым. Где-то висели рваные полотнища, где-то сушились связки трав, мяса или чего-то, на что я смотреть не хотела. Дома были высокими, узкими и будто сросшимися друг с другом, как гнилые зубы.

И люди.

Их было много.

Они стягивались со всех сторон, останавливались у края деревянного помоста, на котором меня привязали, толкались плечами, смеялись, перешёптывались. У кого-то были гнилые зубы, у кого-то шрамы через всё лицо, у кого-то — странно пустые глаза. Женщины с корзинами, мужчины в грязной коже, дети, которые смотрели слишком внимательно.

Никто не выглядел испуганным.

Никто не смотрел с жалостью.

Они ждали.

Ждали зрелища.

— Гляньте, какая рыжая, — крикнул кто-то из толпы.

Послышался смех.

— Я бы такую к себе забрал!

— Да она тебя раньше сожрёт, старый хрыч!

Снова смех.

Я сжала зубы, чувствуя, как щеки горят от унижения, хотя тело уже тряслось от холода. Хотелось сжаться, прикрыться, спрятаться, но верёвки держали слишком крепко, а на мне не было ничего, кроме ошейника.

Они смотрели на меня как на мясо. Не только мужчины, но и женщины тоже. Оценивающе, алчно, с любопытством, как будто я была не человеком, а чем-то, что сейчас разделают прямо у них на глазах.

Я дёрнула руками, но верёвка только содрала кожу на запястьях.

— Не нравится? — крикнул кто-то. — А ты попляши, может, отпустят!

Я резко вскинула голову, пытаюсь найти того, кто это сказал, но смех сливался в один гул.

Потом толпа вдруг стала тише, шум изменился, когда Малкор поднялся на помост.

Он шёл спокойно, как всегда. В тёмной и чистой одежде, почти нарядной на фоне всего этого грязного города. Люди расступались перед ним, кто-то склонял голову, кто-то выкрикивал его имя. И от этого стало по-настоящему жутко. Они любили его. Или боялись. Здесь, похоже, это было одно и то же.

Малкор остановился рядом со мной и поднял руку. Толпа постепенно стихла.

— Жители Иркалиса, — произнёс он громко, и его голос разлетелся по площади. — Сегодня у нас редкий день.

Кто-то в толпе одобрительно загудел, но я не сводила взгляда с улыбающегося Малкора.

— Сегодня в наш город вошла новая гостья. Упрямая, гордая, огненная... — он чуть повернулся ко мне, и его взгляд скользнул по моим мокрым от слёз глазам. — Но всё, что входит в Иркалис, должно принадлежать Иркалису.

Толпа заревела, а у меня внутри всё сжалось.

— Старое имя, старая жизнь, старые связи — всё это остаётся за воротами, — продолжил он. — Здесь человек рождается заново. Или не рождается вовсе.

Я с трудом сглотнула.

— Сегодня она пройдёт наречение.

Люди снова загудели, зашумели, кто-то начал хлопать ладонью по дереву, задавая ритм. Гул нарастал, отдавался в груди и бил по вискам.

Малкор наклонился ко мне чуть ближе.

— Не дрожи так, дорогая, — сказал он уже тише. — Это почти честь.

— Пошёл ты... — выдохнула я сквозь стучащие зубы.

Он улыбнулся мягче.

— Тебе правда стоит беречь силы. День только начался.

Он сделал шаг назад и поднял руку.

— Омовение.

К помосту вышло несколько мужчин, держа что-то в руках. Я не сразу поняла, что они несут, пока не увидела небольшие, тёмные бочки. Их поставили у края помоста одну за другой.

Пять.

Я смотрела на них, не понимая, что происходит, пока первый мужчина не зачерпнул воду широким деревянным ковшом и не плеснул ею на меня.

Холод ударил так резко, что я даже не смогла вдохнуть. Ледяная вода обрушилась на голову, лицо, плечи, стекла по груди, животу и ногам. Я захлебнулась, закашлялась, дёрнулась, но верёвки удержали на месте.

Толпа взорвалась смехом и радостью.

Второй ковш обрушился вслед за первым, не давая мне отдышаться. Я зажмурилась, но вода всё равно попала в нос, в рот и в уши. Зубы застучали так сильно, что я прикусила язык, чувствуя вкус крови смешанной с грязной водой.

Третий.

Четвёртый.

Я перестала считать. Вода лилась снова и снова. Смывала грязь, кровь, пот, но вместе с этим будто смывала что-то ещё. Тепло, силы и остатки воли стоять прямо.

Кожа горела от холода, пальцы немели, и воздух резал лёгкие. Я пыталась дышать ровно, но каждый вдох превращался в судорожный хрип. Когда последняя бочка опустела, я уже почти висела на верёвках, не чувствуя ног. Волосы прилипли к лицу и шее тяжёлыми мокрыми прядями. Вода капала с подбородка на доски, собиралась под босыми ступнями холодной лужей.

Малкор подошёл ближе. Он выглядел довольным, спокойным и почти ласковым.

— Чистая, — сказал он тихо, будто хвалил.

Я подняла на него взгляд, и губы сами дрогнули в попытке усмехнуться.

— Сдохни...

Голос получился слабым, хриплым, но он услышал и слегка склонил голову.

— Ты же не хочешь вернуться в круг? — спросил он мягко. — Тогда лучше оставь эти милые попытки быть храброй.

Я жала зубы так сильно, что заболела челюсть.

Он положил руку мне на плечо, нажал, и мои колени подогнулись, опуская меня на мокрые доски. Верёвки на мгновение ослабили, только чтобы снова сомкнуться на руках ниже, за столбом. Я стояла на коленях, дрожа всем телом, и не могла даже поднять голову нормально.

Малкор встал позади меня, и его пальцы вошли в мои волосы. Я замерла, пытаюсь унять дрожь в теле и хоть немного собраться.

— Следующее, — сказал он толпе, — отсечение прошлого.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, даже когда увидела небольшой острый нож с тёмной рукоятью.

Малкор собрал мои волосы в кулак.

— Нет... — выдохнула я так тихо, что, наверное, никто не услышал. Но он услышал.

— Тише, — произнёс он почти нежно. — Не дёргайся, а то поранишься.

Кожу головы больно стянуло, и раздался сухой, мерзкий звук, когда лезвие вошло в волосы и первый длинный рыжий локон упал мне на колени.

Я смотрела на него и не могла дышать. Рыжая, мокрая, тяжёлая прядь соскользнула с бедра и упала в грязную воду у моих ног.

В голове вдруг вспыхнуло воспоминание, как тёплые осторожные мамины пальцы перебирали волосы на моей голове.

— *Не вертись, Ари, а то коса выйдет кривая.*

Я моргнула, воспоминание развеялось, и я увидела, как ещё одна прядь падает в грязь.

Нет...

Слёзы потекли сами, но я не издала ни звука. Горячие капли прочертили полосы по ледяному лицу, и я с силой зажмурилась, пытаюсь остановить их движение.

Малкор не обращал внимания на моё состояние. Он резал прядь за прядью спокойно и даже почти бережно. Толпа шумела, кто-то смеялся, кто-то выкрикивал что-то, но я слышала только хруст, шорох, падение.

Мои волосы исчезали, и часть меня исчезала вместе с ними.

Когда всё закончилось, голова стала странно лёгкой и какой-то чужой. Мокрые неровные пряди касались плеч, и я не могла понять, что от меня прежней теперь осталось.

Малкор снова встал передо мной, и в его руках уже ничего не было.

— Имя делает человека человеком, — сказал он, обращаясь уже ко всем. — Но в Ирка-лисе человек получает право на имя только тогда, когда заслужит его.

Я с трудом подняла голову и посмотрела на него опухшими от слёз глазами.

— До этого он принадлежит городу.

Толпа стихла, и даже ветер, кажется, стал тише.

Малкор посмотрел на меня с каким-то трепетом, и в его глазах я увидела превосходство. Он явно наслаждался происходящим и совсем не скрывал этого.

— С этого дня ты — Восьмая.

Я просто смотрела на него, чуть нахмурившись, и пыталась уловить смысл.

Восьмая?

Не Ари.

Не Ариадна.

Восьмая.

Толпа подхватила первой.

— Восьмая! — кто-то выкрикнул громко.

Потом ещё.

И ещё.

— Восьмая! Восьмая! Восьмая!

Имя, которое не было именем, ударило по мне снова и снова.

Я жала зубы, но губы всё равно задрожали.

Нет.

Я не Восьмая.

Я Ариадна.

Я...

Мысль резко оборвалась, когда Малкор снова вышел ко мне. Я подняла голову выше только потому, что не хотела показывать ему, насколько мне плохо.

Меня всё ещё трясло после ледяной воды. Волосы липли к шее и плечам мокрыми обрванными прядями, пальцы почти не чувствовались от холода, а колени скользили по мокрым доскам.

Толпа вокруг гудела всё тише, будто чего-то ждала.

Малкор остановился рядом и медленно провёл взглядом по площади.

— Иркалис выжил только потому, что научился принимать свои дары, — произнёс он спокойно, и люди сразу притихли окончательно. — Другие земли называют их проклятием. Боятся. Уничтожают. Но именно благодаря им наши стены до сих пор стоят.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, о чём он говорит.

— Безумные — кровь Иркалиса, — продолжил он. — Наши защитники. Наше оружие. Наше спасение.

По толпе прокатился одобрителный гул. Кто-то ударил кулаком в грудь, кто-то склонил голову, и меня передёрнуло. Они правда в это верили. Не играли, не притворялись, а верили.

Малкор повернулся ко мне и слегка улыбнулся.

— А теперь Иркалис примет тебя.

К помосту подошла женщина в тёмной одежде. На её шее висели связки костей и каких-то высушенных трав. В руках она держала кубок. Тяжёлый, металлический, тёмный, со странной восьмиконечной звездой по центру чаши. Я сразу почувствовала густой, сладковатый запах, даже с такого расстояния. Желудок мгновенно сжался, и меня замутило.

Нет...

Женщина остановилась рядом, а Малкор взял кубок из её рук.

Я резко дёрнулась назад, насколько позволяли верёвки.

— Что это? — спросила я хрипло.

Он не ответил сразу, только опустил передо мной на корточки, чтобы наши лица оказались почти на одном уровне.

— Кровь, — сказал он спокойно.

У меня внутри всё похолодело.

— Нет... — голос сорвался, и я замотала головой из стороны в сторону, отказываясь принимать это.

Толпа тихо загудела, а Малкор чуть склонил голову, рассматривая меня с любопытством.

— Ты боишься?

— Пошёл ты...

Он мягко усмехнулся.

— В тебе всё ещё слишком много старого мира.

Он поднёс кубок ближе, и запах стал сильнее. Вино. Терпкое, кислое и кровь.

Меня затошнило.

— Нет, — повторила я уже тише, мотнув головой. — Нет...

Малкор взял меня крепко за подбородок, но в его жесте не было грубости, только желание подчинить.

— Иркалис кормит своих детей, — произнёс он почти ласково. — Ты пьёшь кровь тех, кто защищает эти земли. Теперь часть Иркалиса будет жить в тебе.

— Вы больные...

— Возможно, — спокойно согласился он. — Но мы всё ещё живы.

Край кубка коснулся моих губ, и я резко сжала рот. Толпа вокруг замерла и казалось, что все звуки совсем исчезли. Осталось только собственное дыхание и плеск жидкости внутри кубка.

— Не заставляй меня делать это силой, — тихо сказал Малкор.

Я посмотрела ему в глаза и поняла, что заставит. Без колебаний, без злости и с той мягкой улыбкой, с которой делал всё остальное.

Меня затрясло сильнее и я попыталась отвернуться, но его пальцы крепче сжались на моём лице.

— Открой рот, Восьмая.

Это имя ударило сильнее пощёчины.

Толпа подхватила тихо, почти шёпотом:

— Восьмая...

— Восьмая...

— Восьмая...

Внутри всё оборвалось, и в этот момент я сломалась ровно настолько, чтобы разжать зубы. Малкор сразу наклонил кубок, и тёплая, вязкая жидкость хлынула в рот. Я закашлялась мгновенно, но часть всё равно проглотила.

И меня вывернуло.

Желудок скрутило так резко, что я согнулась пополам, насколько позволяли верёвки. Тёмная жидкость выплеснулась на мокрые доски вместе с остатками похлёбки, которую я ела в клетке.

Толпа зашумела, кто-то засмеялся, кто-то одобрительно загудел. А я задыхалась от тошноты и не могла остановиться. Из глаз текли слёзы, грудь судорожно дёргалась, и во рту стоял вкус крови.

Меня снова вывернуло, уже почти пустотой.

— Какая чувствительная, — произнёс Малкор с нежностью.

Я тяжело дышала, чувствуя, как слюна и рвота стекают по подбородку. Хотелось умереть прямо сейчас, лишь бы это закончилось.

Малкор достал из внутреннего кармана сложенный тёмный платок и неожиданно аккуратно вытер мне лицо, как ребёнку, и от этого стало ещё хуже. Я дёрнулась, пытаюсь отвернуться, но он спокойно придержал меня за подбородок.

— Тише, — сказал он мягко. — Первый раз всегда тяжёлый.

Меня снова затошнило, но желудок был пуст. Я только судорожно сглотнула и зажмурилась, чувствуя, как всё внутри сжимается от унижения и ужаса.

Толпа смотрела на меня, и никто не считал происходящее неправильным. Вот что было страшнее всего.

Мысль оборвалась, когда к помосту поднялся человек с железным прутом в руках.

На его конце был знак — круг с расколотой восьмиконечной звездой внутри. Металл был раскалён до жёлто-оранжевого цвета. Я резко дёрнулась, уже понимая, что сейчас будет.

— Нет, — выдохнула я. — Нет, не надо...

Но верёвки держали крепко, не давая отстраниться. Малкор подошёл ко мне сбоку и очень аккуратно взял моё запястье.

— Последнее, дорогая, — сказал он тихо. — И всё закончится.

Сил почти не было, но страх дал их на секунду и я задёргалась, как сумасшедшая, пытаясь вырваться.

— Не трогай меня! — закричала я, срывая голос. — Не трогай!

Он только крепче удержал руку. Раскалённый знак приблизился, и я почувствовала жар ещё до того, как металл коснулся кожи.

Клеймо впилося в запястье, мир взорвался болью, и я закричала.

Запах палёной плоти ударил в нос, смешался с дымом, холодом, криками толпы и моим собственным голосом. Я дёрнулась так сильно, что верёвки впились в руки, но не смогла вырваться.

Боль была белой, оглушающей. Она прошла всю руку, ударила в грудь, в голову, в горло. Я пыталась вдохнуть, но не могла. Пыталась закричать ещё раз, но звук застрял внутри. Малкор что-то говорил рядом. Толпа редела.

Кто-то снова кричал:

— Восьмая!

Я попыталась удержаться в сознании. Правда попыталась, но площадь поплыла, люди превратились в тёмные пятна, небо — в серую кашу, а лицо Малкора вдруг стало слишком далёким.

Я почувствовала, как тело обмякает. Верёвки больше не держали меня. И последнее, что я успела увидеть — рыжие волосы, лежащие в грязной воде у моих колен. Потом всё исчезло.

Глава 4. Кай

В день падения Хольма и исчезновения Ариадны.

Я вылез вслед за остальными из обвалившегося тоннеля. Сухой ветер ударил в лицо, заставляя немного замедлиться. Корин, Сайрен и Илар уже бежали вперёд, туда, где начиналась граница с Мёртвыми землями, а Рейнар стоял на коленях с опущенной головой, и я сразу понял, что что-то не так. Далеко не так.

Внутри всё кровоточило.

Я подвёл жителей Хольма.

Я предал их.

Предал Ари.

Себя.

И впервые за всю свою жизнь я не знал, что мне с этим делать.

Подбежав ближе к парням, я начал осматривать пространство, пытаюсь отыскать глазами Ари.

Не выходило.

Я понимал, что мне нужно вернуться в Хольм. Попытаться спасти всех, кто выжил. Но я не мог просто развернуться и уйти.

Мне нужна была Ари.

Пусть она ненавидит меня. Пусть кричит и посылает ко всем чертям. Главное, чтобы она была в безопасности.

Остановившись рядом с Рейнаром, я проследил за его взглядом. Он смотрел вдаль на потрескавшуюся гору и не шевелился. Совсем.

— Где она, Рей? — спросил я каким-то не своим голосом.

Внутри все сжималось от плохого предчувствия. Но Рейнар не отвечал. Долго. И я, не выдержав, опустил перед ним на колени.

— Где она? — прокричал я, хватая его за плечи. — Где Ари?

Рейнар поднял на меня взгляд полный боли и чего-то еще. Я не смог разобрать, потому что внутри всё оборвалось, после его слов.

— Её забрали... — прошептал он надтреснувшим голосом. — Они её забрали, и... я не смог остановить...

Я замер на несколько секунд.

— Кто?! Кто её забрал? — я затряс его, пытаюсь понять о чём он вообще говорит.

Он смотрел на меня, почти не моргая.

— Люди Малкора. Она у них.

Я услышал это имя впервые, но то, каким голосом Рейнар это произнёс, дало мне понять, что всё намного страшнее, чем я мог себе представить.

И только сейчас я окончательно осознал, что именно наделал.

Резко вскочив на ноги, я стал расхаживать из стороны в сторону. Руки сами запутались в волосах, причиняя боль, но она была почти смешной, в сравнении с тем, что творилось внутри. Казалось, что все мои внутренности закинули в чан с кипящим маслом и не дали ни одной крошечной надежды на спасение.

Я умирал внутри. Медленно и окончательно.

— Это всё из-за меня... — пробормотал я. — Всё рухнуло из за меня...

Я говорил это тихо, но Рейнар услышал и сразу же поднялся на ноги. Видимо что-то в моём голосе заставило его прийти в себя. Он не сводил меня взгляд. Я почувствовал это кожей, но поток бессвязных слов и мыслей остановить не мог.

— Хольм, люди, Ари... — сбивчиво прошептал я. — Это я сделал...

— Что значит ты, Кай? — сказал Рейнар таким голосом, что я остановился и посмотрел прямо на него.

— Это я сдал Хольм, — сказал я и почувствовал, как пространство вокруг будто замерло. — Это я привёл сюда Этрана.

Парни переглянулись между собой, а мы с Рейнаром продолжали буравить друг друга взглядом.

— Повтори, — сказал он жёстче.

— Я не хотел, чтобы так всё вышло, — пробормотал я, слыша как жалко это звучит. — Я хотел остановить Саймона... Этран обещал, что не тронет людей, но всё пошло не так... Саймон... это он подорвал тоннели... я не успел... не смог...

Рейнар смотрел на меня еще несколько секунд и потом процедил сквозь зубы:

— Ублюдок.

И мне в лицо прилетел удар. Кожа на губе сразу лопнула, и я ощутил вкус крови во рту. Но Рейнар не останавливался. Он занёс руку снова и удар пришёлся в скулу. Боль была яркой вспышкой, но я даже не попытался защититься. Наверное, потому что он был прав.

— Из-за тебя она там! — рявкнул Рейнар, снова бросаясь вперёд. — Ты вообще понимаешь, что это за место?!

Я отшатнулся назад, вытирая кровь с подбородка.

— Я всё понимаю.

— Нет! Не понимаешь!

Он схватил меня за ворот куртки и дёрнул на себя.

— Если бы понимал, никогда бы не привёл сюда Цитадель!

— Я пытался спасти её!

Рейнар глухо рассмеялся и покачал головой.

— У тебя очень хорошо это получилось.

В его голосе было столько ненависти, что на мгновение мне показалось — сейчас действительно меня убьёт, но между нами вдруг встал Илар.

— Хватит! — крикнул он и толкнул Рейнара в грудь. — Совсем с ума сошли?!

— Там люди под завалами! — рявкнул Корин. — Люди, мать вашу!

Несколько секунд никто не двигался. Дыхание рвалось из груди тяжёлыми толчками, а вкус крови во рту смешивался с привкусом отчаяния.

Пространство вокруг снова начало оживать, вытесняя ярость и напряжение, которые до сих пор пульсировали между нами. А крики, доносящиеся из разрушенного Хольма, привели нас в чувство окончательно.

Рейнар первый отвёл взгляд и резко повернулся к провалу.

— Потом договорим, — сказал он и осторожно спустился вниз.

— Ну и наделал ты делов, Кай, — сказал Сайрен, проходя мимо меня, и последовал за Рейнаром.

Остальные пошли за ними.

Я стоял ещё секунду, глядя на чёрную дыру, оставшуюся на месте дома. Потом сжал зубы и спустился следом.

Внутри всё было ужасно.

Целых коридоров больше не существовало, а некоторые тоннели просто исчезли в завалах камней, земли и обломках укреплений. Пыль стояла повсюду. Она забивалась в нос, в лёгкие и превращала каждый вдох в пытку.

А ещё были крики.

Бесконечные крики, раздающиеся из-под завалов, из боковых проходов. Отовсюду.

Кто-то стонал, кто-то звал на помощь, а кто-то просто рыдал. И в этих звуках умирала моя надежда хоть кого-то спасти.

Почти тысяча человек погребенная под обломками камней и моего предательства.

— Здесь живой! — крикнул кто-то из парней впереди, и все сразу бросились туда.

Следующие дни превратились в один бесконечный кошмар.

Поначалу я ещё пытался считать часы, но потом перестал. С каждым движением, с каждым найденным трупом время просто потеряло смысл.

Остались только камни.

Крики.

Кровь.

Пыль.

И бесконечная усталость, которая въедалась под кожу всё глубже с каждым часом.

Мы разгребали завалы вручную. Ломали ногти, раздирали ладони до мяса, таскали камни, пока руки не начинали дрожать так сильно, что их невозможно было удерживать. Но каждый раз, когда казалось, что сил больше нет, из-под очередного завала доносился чей-то голос.

И мы продолжали.

Иногда завалы напоминали, что убивать они не закончили.

Мы почти расчистили проход, когда сверху раздался сухой треск.

— Назад! — крикнул Корин, и мы едва успели отскочить.

С потолка сорвалась целая плита и рухнула туда, где секунду назад стояли мы. Каменная крошка ударила по лицу, оставляя мелкие царапины, а пыль поднялась такой плотной стеной, что несколько секунд вообще ничего не было видно.

Я резко закашлялся, а кто-то справа от меня выругался. Но мы не стали пережидать, а сразу вернулись к работе, потому что под завалами всё ещё были люди.

Иногда находили живых. Иногда тех, кому уже нельзя было помочь.

Я старался не задерживать взгляд на таких людях долго, потому что стоило остановиться хотя бы на несколько секунд, и внутри начинало болеть ещё сильнее.

— Тут человек... Живой! — донёсся крик Илара. — Мне нужна помощь!

Я сразу сорвался с места, не думая, и Рейнар последовал за мной.

Крупные обломки камней и балок лежали друг на друге, а из-под них доносился едва слышный стон.

Мы опустились возле завала и начали разгребать камни руками, почти автоматически, надеясь, что в этот раз повезёт.

Тяжёлый обломок балки.

Ещё один.

Каменная плита.

Я не знал сколько времени прошло. Руки тряслись, ныли, дыхание срывалось на хрип. Силы утекали вместе с надеждой, но стон под камнями не прекращался, поэтому не прекращали и мы.

Когда большая часть обломков была убрана, мы увидели лежащего старика.

Я сразу узнал его. Это был Торвальд. Столяр, который делал половину мебели в Хольме. Когда-то именно он вырезал деревянного дракона для Трэвиса, которым тот потом хвастался несколько недель подряд.

Нижнюю часть тела придавило большим камнем, и достаточно было одного взгляда, чтобы понять — мы его не вытащим.

Под Торвальдом растеклась большая лужа крови, впитываясь в трещины камня. Запах стоял тяжёлый, металлический. А сам старик слабел с каждой секундой.

Я уже понимал, что мне сейчас придётся сделать. Именно мне.

Торвальд это тоже понимал.

— Не тратьте время, — прохрипел он. — Там ещё люди. Помогите... им...

Его голос дрожал от боли, но он держался из последних сил.

Камни давили мне на ладони, пыль забивалась в лёгкие, но я не мог заставить себя просто развернуться и уйти.

— Я могу... — сказал я, сам до конца не веря, что смогу. — Избавить вас от боли.

Старик так мягко улыбнулся и кивнул, будто он и не умирал под грудой камней. Будто я не тот, кто сейчас закончит его жизнь.

Я еще некоторое время смотрел на него и, когда в его взгляде потухла жизнь, не мог себя заставить просто встать и уйти.

Когда всё-таки поднялся на ноги, я встретился взглядом с Рейнаром. Он смотрел на меня так долго и внимательно, будто видел что-то, чего не видел никто другой. И потом до меня наконец дошло.

Он читал меня. Чувствовал всё то дерьмо, которое я пытался удержать внутри.

Вину.

Страх.

Отчаяние.

Ненависть к самому себе.

Но его лицо оставалось непроницаемым, и я так и не понял, чего в нём было больше. Злости, удовлетворения или такой же боли, как у меня.

— Кай! — кто-то снова позвал меня, и я пошёл дальше, не оборачиваясь, потому что останавливаться было нельзя.

Мы почти не спали. Только по пару часов прямо на холодном полу между разборами завалов. Ели всё, что удавалось найти среди уцелевших запасов. Пили воду собранную из полованных труб в душевых. Этого было достаточно, чтобы не свалиться без сил и продолжать.

Тех, кого удавалось вытащить относительно живыми, никто не отправлял отдыхать. На это просто не было времени. Если человек мог стоять на ногах — он начинал работать вместе с нами. Передавал камни, поддерживал раненых, таскал воду, искал выживших.

Один парень с перевязанной головой через час после спасения уже разбирал соседний завал.

— Тебе бы прилечь, — сказал ему Сайрен, но парень даже не поднял головы.

— Там моя сестра, — ответил он и продолжил таскать камни.

К вечеру следующего дня из одного из дальних проходов донёсся женский крик. Настоящий, живой. Мы бросились туда сразу, на ходу раскидывая камни, пытаясь добраться как можно быстрее.

Отодвигая один из обломков, я наткнулся на раскученную дверь кладовой. Повсюду валялись разбитые ящики, обломки полок и каких-то продуктов. Среди камней торчала знакомая табличка.

Я замер.

Потому что именно здесь работала Элла. Главная кухарка Хольма. Женщина, которая всю жизнь ругалась на Трэвиса за то, что он постоянно таскал пастилу с кухни, а потом всё равно подсовывала ему самые большие куски.

Я провёл взгляд дальше и увидел её тело. Она была возле стены, будто просто присела передохнуть. Я смотрел на неё несколько секунд и заставил себя отвернуться, потому что времени больше ни на что не было, а крик женщины из тоннеля всё продолжался.

Когда мы добрались до завала, женщину удалось вытащить быстро. Она была ранена, но жива. Едва оказавшись на свободе, она схватила меня за руку так сильно, что пальцы побелели.

— Мой сын... — прошептала она, задыхаясь. — Он был рядом... здесь... пожалуйста...

Мы начали разбирать завал без слов. Быстро и слаженно, передавая камни друг другу по цепочке. Но, освободив большую часть пространства, мы уже знали, что найдем.

Через некоторое время Корин вытащил тело мальчишки, и женщина закричала так, что звук ударился о стены тоннеля и покатился дальше.

Она бросилась к нему, начала трясти за плечи и звать по имени. А потом внутри неё что-то сломалось, будто кто-то переключил тумблер и она перестала быть собой.

Глаза остекленели, дыхание сорвалось на хрип и по телу прошла судорога.

— Нет... — выдохнул Илар.

Женщина резко обернулась и бросилась на ближайшего человека.

Рейнар оказался рядом первым и схватил её за плечи. Она вырывалась, кричала, плакала и смеялась одновременно. А потом глаза Рейнара засветились, как и его татуировки, мягким голубоватым светом. Он коснулся её виска и женщина вдруг обмякла, как будто из неё выдернули саму причину безумия прямо с корнем. Она рухнула на колени возле тела сына и заплакала. Уже тихо и совсем по-человечески.

Никто ничего не сказал, потому что за эти дни таких историй стало слишком много.

Ближе к ночи второго дня мы слышали голоса.

— Есть кто живой?!

Несколько мгновений никто даже не отвечал, потому что мы настолько привыкли слышать крики из-под завалов, что сначала решили — показалось. Но потом из соседнего тоннеля показались Ривен и Дален, а вместе с ними еще несколько крепких мужчин. Тех самых, которых успели вывести из Хольма ещё до взрывов.

Ривен остановился, посмотрел на разрушенные тоннели, на тела у стен, на людей, которые едва держались на ногах. И медленно побледнел.

— Что здесь произошло?.. — сказал он хрипло. — Мы слышали взрывы и решили вернуться

Я смотрел на него некоторое время и вытер лицо грязной рукой.

— Потом, Рив... — голос был каким-то совсем чужим. — Сейчас просто помогайте.

Ривен перевёл взгляд с меня на Рейнара, потом на Илара и остальных, и молча кивнул.

Через несколько минут они уже работали рядом с нами. И впервые за двое суток мне показалось, что мы, возможно, успеем вытащить ещё хоть кого-то живым.

К концу третьих суток стало понятно то, чего никто не хотел произносить вслух.

Мы не успевали.

В некоторых тоннелях из-под завалов до сих пор доносились слабые голоса, но когда мы добирались до места, становилось ясно — вытащить их не получится.

Слишком много камня.

Глубоко и очень опасно.

Один из таких завалов мы пытались разобрать почти два часа. Мы работали молча, отчаянно, до кровавых мозолей. Пока сверху не посыпались новые камни. Тоннель угрожающе застонал, и по потолку поползли новые трещины.

— Кай, — Ривен схватил меня за плечо.

Я не отвечал, а просто продолжал смотреть на завал.

— Кай, — позвал он ещё раз, но жёстче. — Мы не сможем.

Я знал это. Знал уже давно, просто не хотел признавать.

Голоса из-под камней звучали всё тише, а вокруг меня стояли люди. Раненые, измученные, но живые. Те, кого ещё можно было спасти.

Я медленно поднял голову и посмотрел на потолок. Трещины были повсюду.

Хольм умирал. Окончательно.

И если мы задержимся ещё хоть немного, то останемся здесь вместе с ним. Навсегда.

Я закрыл глаза на секунду. Внутри было так много всего, что казалось — ещё немного и я обращусь. Стану безумным. Но я не мог. И мне было чертовски жаль. Потому что если бы я им стал, то всё бы закончилось.

Вернув остатки контроля, я наконец открыл глаза.

— Отходим, — сказал я, и вокруг повисла тишина.

— Кай... — тихо сказал Дален.

— Отходим, — повторил я уже жёстче. — Всех, кто может идти, собираем у выхода.

Раненых на носилки. Мы уходим.

Никто не стал спорить. Но я знал, что все понимали — я только что оставил под камнями живых людей.

Когда последние выжившие добрались до границы с Мёртвыми землями, нас осталось чуть больше двух сотен, если не считать тех, кто ушёл до взрывов.

Итого триста человек.

Из тысячи.

От этой цифры внутри становилось физически больно.

Люди сидели прямо на земле. Кто-то перевязывал раны, кто-то молча смотрел в одну точку, кто-то плакал. И в этот момент кристалл связи на поясе Рейнара вспыхнул голубоватым светом.

Все Собиратели сразу подняли головы.

Рейнар нахмурился и достал кристалл. Несколько секунд просто смотрел на него, а потом сжал в ладони.

— Командир Валор на связи.

Из глубины кристалла раздался незнакомый мужской голос.

— Приказ Верховного главнокомандующего Этрана. Всем Собирателям, находящимся на заданиях за пределом Цитадели, немедленно вернуться. Повторяю. Всем Собирателям срочно прибыть в Цитадель.

Повисла короткая тишина. Рейнар стоял неподвижно, глядя куда-то поверх наших голов. Потом его пальцы сильнее сжали кристалл.

— Приказ принял.

Голубое свечение погасло, и Рейнар медленно опустил руку. И почему-то мне показалось, что за эти несколько секунд он стал ещё мрачнее.

Я посмотрел в сторону Мёртвых земель. Туда, где сейчас была Ари, и вдруг понял, что не могу просто так всё это оставить.

— Я пойду за ней, — сказал я тихо, но решительно.

Рейнар резко повернулся ко мне.

— Куда?

— В Мёртвые земли.

Он на секунду замер, глядя на меня как на сумасшедшего.

— Ты идиот?

— Я не могу просто сидеть и ждать, пока она там! Одна!

— А ты думаешь я могу?! — впервые за все эти дни он повысил голос.

Люди вокруг сразу затихли.

— Ты даже не представляешь, кто такой Малкор, Кай.

— Тогда расскажи мне!

— Не сейчас, — сказал он и сделал шаг ближе. — Хотя бы один раз в жизни сделай правильный выбор. Хотя бы сейчас.

Эти слова ударили наотмашь, как пощёчина. Я сжал кулаки до боли и продолжил смотреть на Рейнара.

Он выдержал мой взгляд и повернулся к Илару.

— Дай кристалл.

Илар молча отцепил кристалл связи от пояса. Рейнар взял его и протянул мне.

— Я свяжусь с тобой, когда доберусь до Цитадели.

— Рей...

— Ничего не делай, — сказал он жёстко. — Если полезешь туда сейчас, просто сдохнешь еще на подходе к Иркалису. И тогда Ари точно никто не поможет.

Я молча опустил взгляд на кристалл в своей ладони и всей душой возненавидел то, что он прав.

— У тебя осталось триста человек, — тихо сказал Рейнар. — Теперь они твоя ответственность.

Эти слова меня окончательно добили. Они ударили сильнее любого кулака, потому что он был прав и в этом.

Раньше управлением города занимался Саймон, а теперь теперь это придётся сделать мне. Иначе мы все умрём.

Я остался один с последствиями своих выборов.

Некоторое время мы просто стояли молча, потом Рейнар протянул мне руку. Я посмотрел на неё и пожал.

— Верни её, — сказал я хрипло.

— Постараюсь.

Я кивнул и мы разошлись в разные стороны.

Он — к Цитадели.

Я — к людям, которых ещё можно было спасти.

Я даже не заметил как мы дошли до Селлхора. Ноги двигались сами, тело тоже, будто всё внутри давно отключилось и работало только по привычке.

За всё время пути меня не покидало странное ощущение, будто за нами наблюдают. Из темноты, из трещин скал, из бесконечных теней Мёртвых земель.

Иногда я ловил движение боковым зрением, иногда слышал камень, сорвавшийся где-то далеко наверху. Но никто так и не показался.

Они знали, что мы здесь. Я был уверен. Просто пока не считали нас угрозой.

Селлхор появился из темноты неожиданно. Огромное каменное сооружение, вросшее в скалу. Высокие стены уходили вверх настолько далеко, что терялись во мраке. По углам возвышались сторожевые башни с узкими бойницами, а массивные железные ворота выглядели так, будто пережили не одну сотню лет.

Когда-то это была тюрьма. Теперь — наш последний шанс выжить. Наверное.

Ворота начали открываться ещё до того, как мы подошли ближе, будто нас уже ждали. Тяжёлые створки со скрежетом разошлись в стороны, и мы переглянулись с Ривеном и Даленом. Но никто из нас не проронил и слова.

За воротами оказалось просторное внутреннее пространство, окружённое несколькими уровнями каменных галерей и старых тюремных корпусов.

Не успел я сделать и нескольких шагов, как ко мне подбежала Сиерра.

— Кай!

Она остановилась передо мной и замерла, оглядывая с ног до головы. Наверное, я выглядел так же плохо, как и себя чувствовал.

— Что произошло? Почему вас так долго не было? Почему столько раненых? Где Ари? Что вообще случилось?

Вопросы посыпались один за другим, а я просто стоял и смотрел на неё, не зная что ответить.

Я перевёл взгляд на людей вокруг, на носилки, на перевязанные тела, на испуганные лица, и сказал то, что должен был сказать.

— Хольма больше нет.

Сиерра побледнела настолько резко, что я даже испугался, что она сейчас упадёт.

— Что?..

— Все, кто выжил, здесь. — сказал я хрипло. — Остальные остались там.

Тишина вокруг стала почти осязаемой. Сиерра медленно закрыла глаза на секунду и снова их открыла. И я увидел, как она буквально заставила себя собраться.

— У нас тоже проблемы, — сказала она слишком быстро, будто пыталась перевести своё внимание на текущие проблемы. — Некоторые начали обращаться. Мы закрыли их в камерах, но не знаем, что делать. Собирателей здесь нет, люди напуганы. Очень.

Я слушал её и чувствовал только пустоту. Она обволакивала всё моё нутро. Ширилась и разрасталась, вытесняя всё остальное.

И я совершенно не понимал, как со всем этим справляться.

— Кай? — позвала Сиерра, когда пауза затянулась.

Я поднял голову и посмотрел на неё.

— Дай мне десять минут.

Она нахмурилась.

— Но Кай, а как же...

— Просто. Десять. Минут.

Она осеклась и долго смотрела на меня. Потом кивнула, а я развернулся и пошёл прочь, потому что если бы задержался ещё хоть на секунду, просто не выдержал бы.

На втором уровне я нашёл какую-то пустую кладовую. Здесь пахло пылью и чем-то старым, но я почти не обратил на это внимание. Просто прошёл внутрь, закрыл за собой дверь и опустился на пол, впервые за всё это время позволяя себе остановиться.

Тишина ударила сильнее любого крика.

Хольма больше нет.

Ари где-то в Мёртвых землях.

Триста человек ждут от меня решений.

Люди сходят с ума.

И я понятия не имею, что с этим делать дальше. Но самое страшное заключалось в том, что никто другой тоже не знает.

Я сидел так несколько минут. Может десять, а может час. Потом медленно поднялся, потому что уже знал, где могу найти ответ. Даже если он мне не понравится.

Спустившись вниз по винтовой лестнице, я попал в сырой, ржавый подвал. Факелы горели редко, и камеры тонули во мраке. Я прошёл до самого конца коридора, остановился возле решётки и опустился прямо напротив неё на холодный пол.

Несколько секунд было тихо. Потом из темноты раздался знакомый голос.

— Ну что? Нравится то, что ты устроил?

Я устало усмехнулся. Даже на злость сил не осталось.

— Это не только моя вина.

Из темноты донёсся тихий смехок.

— Тогда зачем ты пришёл?

Я долго смотрел на решётку, на едва различимый силуэт человека по ту сторону. Потом опустил голову и впервые за всё это время честно признался:

— Я не знаю, что мне делать, Саймон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.